

Идея солидарности в гностицировании С.Л. Франка

Е.В. Родин

«Система Франка есть высшее достижение, высшая точка развития русской философии вообще» (Зеньковский, 1991, с. 178). Эти слова В. В. Зеньковского сегодня почти не вызывают возражений. Однако мало кто знает, что далеко не все так гладко в философской системе С. Л. Франка. Наша статья посвящена рассмотрению одной из слабых сторон в философии Франка, идее солидарности.

Внешне биография Франка почти ничем не отличается от судеб других русских философов, высланных в 1922 году из Советской России на «философском пароходе». Н. О. Лосский в своей «Истории русской философии» пишет: «Семен Людвигович Франк родился в Москве в 1877 г., учился в Московском университете на юридическом факультете. Он продолжал свое образование в Берлине и Гейдельберге, где занимался философией и социологией. Франк был профессором философии в Саратовском университете, а затем в Московском. В 1922 г. его выслали из Советской России, и он до последнего времени жил в Англии. В своей молодости был марксистом, а затем перешел на сторону идеализма и в конце концов – христианского идеализма. С. Франк умер в Лондоне в 1950 г.» (Лосский, 1991, с. 339). Многие русские философы в молодости прошли увлечение марксизмом, перешли к христианской философии в зрелые годы, но не многим из них удалось стать по-настоящему «христианскими» философами. Причина этого кроется в том, что большинство из них оказались под влиянием гностической философии В. С. Соловьева, некритично включив гностическую терминологию в свое гностицирование. Принадлежность Соловьева гностической традиции выражается на концептуальном уровне в виде понятий «сизигия», «София», «всеединство». Среди тех, кто использовал эти гностические понятия вслед за Соловьевым, были Флоренский, Булгаков, Карсавин. Понятие «всеединство» встречается и у Франка. Необходимо признать, что употребление гностической терминологии еще не делает философа гностиком, поэтому отметим, что сам Франк не был чужд гностицизму, но это положение требует дополнительного обоснования.

Вот какое определение гностицизму дает сам С. Л. Франк: «Если, по классическому определению Послания к Евреям, вера есть «чаемых извещение, вещей невидимых обличение», то современный гностицизм, содержа в известном смысле второй из указанных здесь признаков, не содержит и даже решительно отвергает первый: это есть вера без упования – вера внутренне надломленного человеческого сердца, неспособная даровать утешение, душевный мир и радость. Это есть некий своеобразный сплав из веры и неверия» (Франк, 1998, 56). Франк также пишет: «С тех пор, как Джон Стюарт Милль в середине XIX века высказал свое исповедание веры, сказав, что он верит во всеблагость Божию, но не верит в Его всемогущество, эта вера гностического типа – сознательно, а чаще бессознательно – стала достоянием многих лучших независимых умов нашего времени» (Франк, 1998, 55). Самое интересное, что Франк, скорее всего, не догадывался, что позднее окажется среди этих «лучших независимых умов». В работе «Непостижимое» мы находим подтверждение тому, что Франк оказался под влиянием гностицизма: «И все же мысль признать Бога хотя бы в каком-либо отдаленном и косвенном отношении первоисточником зла невыносима и несостоятельна, ибо уничтожает саму идею Бога, самоочевидность которой именно и истекает из его существа как абсолютной Правды и, следовательно, абсолютного Блага. В этом смысле совершенно прав древний гностик, сказавший: «Скорее я готов признать что угодно, чем то, что Бог не благ» (Франк, 1990, 545). Здесь Франк ссылается на Василида, не желая его называть по имени, чтобы не выдавать себя. Другие

русские религиозные философы были менее осторожными и открыто признавались в своей симпатии к гностикам. Бердяеву нравился Маркион, Карсавину – Василид (как и Франку), Соловьев и Флоренский с Булгаковым явно тяготели к Валентину. Все это лишний раз доказывает, что Франк стоял в одном ряду с другими русскими «гностическими» философами, а о его гностицировании мы можем говорить во весь голос.

Переходя непосредственно к идее солидарности, мы должны подчеркнуть, что Франк никогда не стремился к построению целостной философской системы, но писал «исповедь как бы типического жизненного и духовного пути современной русской души вообще». Эту «исповедь» Семен Людвигович называл «христианским реализмом», а само христианство – «религией человечности». Тема любви, которая красной нитью проходит в творчестве Франка, может сбить исследователей и заставить поверить в то, что Франк был «православным», далеким от гностицизма философом. Главная трудность заключается в том, что любовь к ближнему отсутствует в гностицизме, она является характерной чертой христианства. Но все не так просто. Франк ссылается на гностика Василида, но в своих работах придерживается преимущественно традиции так называемого «христианского гносиса». У истоков этой традиции стоит Климент Александрийский, который в своих «Строматах» создал образ «истинного гностика», любящего ближних и являющегося добропорядочным христианином. От себя добавим, что такая позиция Климента Александрийского является провокационной, поскольку в ней гносис предстает в «исправленном», христианизированном, этизированном виде. Для настоящих гностиков этика играла второстепенное значение, можно говорить лишь об особом гностическом этосе, который, впрочем, сильно отличался от образа «истинного гностика», созданного Климентом.

Итак, Семен Людвигович Франк избрал традицию христианизированного гносиса, поэтому гностические черты в его творчестве не столь очевидны, как, например, в работах Соловьева или Карсавина. «Всеединство» – это одно из немногих понятий, связывающих Франка с другими русскими «гностическими» философами. «Всеединство» у Франка встречается вместе с «солидарностью», а по своему происхождению является своеобразным функциональным эквивалентом гностической «плеромы» или полноты. В работе «Крушение кумиров» Франк пишет: «Сознавая всеединство бытия, укорененного в Боге, мы ясно видим свою ответственность за зло, царящее в нем, и так же ясно понимаем невозможность нашего спасения вне общего спасения. Как отдельный лист на дереве не может зеленеть, когда засыхает и гниет все дерево, ибо все дерево в целом связано общностью жизни, так и в общечеловеческой жизни господствует внутренняя солидарность, которая не может быть безнаказанно нарушена. Отсюда вытекает основное внутреннее правило любви к людям и солидарности с ними во имя нашего собственного спасения» (Франк, 1990, 177 – 178). Спасение в учении Франка определяется через любовь и солидарность. Это значит, что солидарность вместе с любовью является одним из элементов гносиса Франка.

Наиболее полно идея солидарного единства представлена в произведении С. Л. Франка «Непостижимое»: ««Мир» – во всем его облике темной фактичности и безличности – потенциально человечен, есть потенциальная человечность, потому что через его основанность в Боге он связан с началом человека и даже совпадает с ним. Все творение, включая меня, становится в Боге или перед лицом Бога солидарным внутренним единством. И так как «мировое» бытие совпадает здесь по своей природе с тем, что я испытываю как последнее существо своего «я», то все творение становится великим, священным «мы», «тварным» всеединством, которое все сплошь есть для-себя-сущее всеединство. Все творение открывается как согласный «хор», окружающий и славящий Бога и имеющий свое бытие, свою жизнь в самом Боге. То, что с точки зрения эмпирии кажется лишь бесконечно удаленным идеалом, мечтой о «новом небе» и «новой земле», которые лишь некогда должны явиться или прийти, – обнаруживается в последней бытийственной глубине в качестве

вечной реальности. Иначе и не может быть, ибо все «должное», всякая «ценность» в первооснове бытия совпадают с самой реальностью» (Франк, 1990, 527 – 528). Как мы видим, идея солидарности тесно связана с идеей всеединства, причем в некоторых местах Франк использует эти понятия в качестве синонимов: «И так обстоит дело – как мы видели – в силу именно неотменимости и неколебимости начала всеединства, внутренней солидарности, как бы круговой поруки всего целокупного бытия. Не-сущая реальность зла есть некое отражение в бездне небытия – сверхбытийственной реальности Бога, именно как всеобъединяющего и всепроникающего всеединства; в образе и характере его действия сказывается некое абсолютное всемогущество Божие» (Франк, 1990, 544 – 545). Солидарность – это свойство всеединства, причем описание солидарности напоминает теософский принцип Изумрудной Скрижали (Tabula Smaragdina) «что вверху, то внизу». Если учесть, что Василид относится к так называемому «теософскому» направлению гностицизма (о чем пишет Филипп Шафф), то становится ясно, что это не просто совпадение, а часть гностической системы Франка. Семен Людвигович указывает на иерархичность бытия, а его терминология (например, термин «глубина») указывает на гностический характер идеи солидарности: «Все сущее оказывается в меру достигаемой им глубины, т.е. в меру близости к Божеству рода или образа его бытия, построенным в иерархическом порядке. Все сущее есть символ Божества и приближается в различной мере к тому, что им символизируется или знаменуется, в различной мере ему адекватно, – несмотря на то, что все сущее остается безусловно неадекватным Божеству в отрешенной «инаковости» последнего. При проведении этой мысли надо одинаково избегать двух крайностей: высокомерного, безлюбивого онтологического аристократизма, для которого одно только высшее, высокородное достойно чести быть отображением Божества, тогда как все низшее есть лишь слепой, лишенный смысла материал бытия, – и вульгарно онтологического демократизма, отрицающего всякий иерархизм бытия и в идее эволюционизма практически низводящего высшее на уровень низшего. Иерархизм должен, напротив, согласоваться со всеединством, сопринадлежностью, внутренней солидарностью и некой общей однородностью (в смысле общности происхождения) всего сущего. С этой оговоркой идея иерархизма имеет общее значение. Мы уже видели, что мир нашей внутренней жизни в известном смысле по самому существу дела ближе к первооснованию – к Божеству, – чем мир предметного бытия. Расширяя теперь это указание, мы можем сказать: область духовного бытия и человек как его представитель и носитель в мире, т.е. как личность, стоит ближе всего к Божеству; мир непосредственного самобытия ближе к нему, чем бытие космическое; разумное – ближе, чем неразумное и бессмысленное, живое ближе, чем мертвое, добро ближе, чем зло. В различной мере непостижимое и несказанное Божество просвечивает сквозь все сущее – и все же остается перед лицом всего сущего чем-то безусловно «иным»» (Франк, 1990, 464 – 465). Идея «инаковости» Бога восходит к апостолу Павлу, а затем появляется в текстах гностиков, для которых Павел был безусловным авторитетом (многочисленные подтверждения этому можно найти в первой книге «Против ересей» Ириней Лионского). Самое интересное заключается в том, что Франк называет человека представителем области духовного бытия, то есть считает человека чуждым этому миру. В отличие от христиан Франк не стремится преобразить мир, осознавая «необеспеченность добра», поэтому для него важно понять «иерархизм», а вместе с ним и чуждость человека «космическому бытию».

Подводя итог, можно сказать, что Семен Людвигович Франк был одним из продолжателей гностической традиции всеединства, у истоков которой стоял Владимир Сергеевич Соловьев. Франк, говоря о солидарности, описывал ее в гностическом контексте и считал свойством всеединства, включая в солидарность иерархизм. Солидарность для Франка основывается на любви, поэтому Франк является продолжателем «христианизированного гносиса», а из различных систем ему оказалась ближе всего теософская система гностика Василида. «Православность» С. Л. Франка является лишь умелой стилизацией, за которой скрывается любовь к гностицизму и знание о «необеспеченности добра».

Примечания:

1. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. т. II. ч. 2.
2. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высш.шк., 1991.
3. Франк С. Л. Свет во тьме. М.: Изд-во «Факториал», 1998.
4. Франк С. Л. Сочинения. М., 1990.